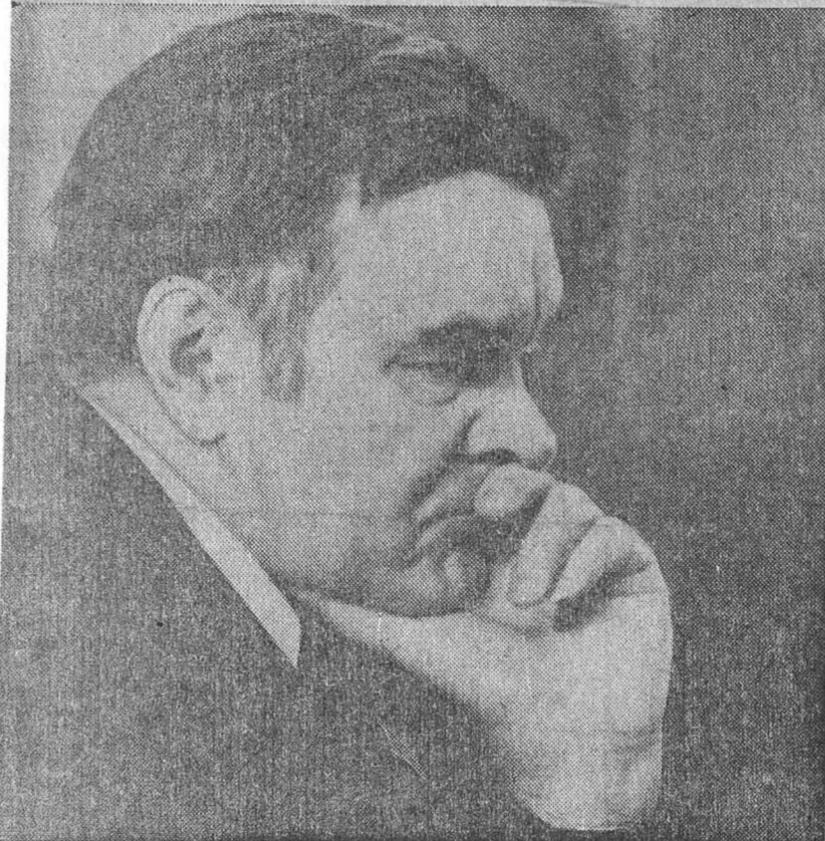

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Юрия БОНДАРЕВА

делалось до сих пор), делить их на разнообразные рубрики, разделы и темы, как-то: новеллы о детстве, юности, молодости, рассказы о войне, любви, о различных душевных состояниях и настроениях, лирические и философские миниатюры — размышления о природе и истории, о жизни и смерти, о тайнах Вселенной и т. д. Попутно, разумеется, выяснятся и многие особенности «Мгновений»: открытая, пронзительная исповедальность одних страниц, терпкая и обволакивающая грусть других, острая и чуть ироничная наблюдательность третьих; удивительный эффект, произ-

ны полустраничное «Осенью»: «Долго смотрел в чащу деревьев, на отсветы фонарей, на странно и знакомо освещенный забор, словно все это — и забор, и деревья, и музыка — перенеслось на много лет назад, куда-то туда, в юность — пору, навсегда ушедшую и полузабытую, которой словно бы никогда и не было. И запахло так же сладостно, то ли угольной паровозной гарью, то ли осенним двором с освещенными окнами, где мерцают звезды, где мерцают звезды. Где это было? Да, ведь тогда была война, осень, окраина, заборы, редкие фонари, скрипящие на ветру, и я

еще несколько других, столь же сильно эмоционально действующих возвращений в юность, где война, любовь, печаль и счастье («Малыня», «Пыль», «Нас было много» и другие). Этот взгляд почувствует еще и несомненную, хотя и неуловимую до конца связь — перезвон, ауканье, сцепление — названных малых произведений Бондарева с совсем-совсем, казалось, другими, где вроде бы уже и нет ни юности, ни любви, ни родниковых молодых мечтаний, а идут то сцены из самой что ни на есть прозы жизни, то густые размышления о мире и человеке, то философские искания-

мена и эпохи! «Схимник», написанный абсолютно без оглядки на тургеневское произведение, словно спорит с «Монахом». Но они отнюдь не «отменяют» друг друга, они сосуществуют, живут (укореняя каждый в своем времени) рядом в вечном времени великой русской литературы.

В примечаниях же к последнему, еще продолжающему выходить академическому собранию сочинений Тургенева (том 10-й) можно прочитать, что критики долго искали аналоги и литературные источники «Стихотворений в прозе». Последние сопоставлялись с «Призраками»,

ветской литературе. Разительно свой у всех, кто к нему обращался: у Тургенева, Розанова, Бунина, Пришвина, Солоухина, Куранова, Астафьева, Бондарева.

«Читая сочинение, в особенности чисто литературное — главный интерес составляет характер автора, выражающийся в сочинении», — записывает для себя в дневник двадцатипятилетний Лев Толстой. А через сорок лет он же повторит и уточнит в беседе: «Во всяком художественном произведении важнее, ценнее и всего убедительнее для читателя собственное отношение к жизни автора и все то в произведе-

нии, что написано на это отношение. Цельность художественного произведения заключается не в единстве замысла, не в обработке действующих лиц и т. п., а в ясности и определенности того отношения самого автора к жизни, которое пропитывает все произведение».

Нет надобности доказывать, что и во всех других книгах Юрия Бондарева — от «Батальонов...» до «Выбора» — характер автора и собственное отношение автора к жизни отнюдь не скрывались. Они угадывались и ощущались по многим составляющим его повестей и романов, а более всего, быть может, по нравственному максимализму главных героев — ровесников писателя, по тому, что они любили и что ненавидели. Но споры о «Берегах» и «Выборе», о Никитине и Васильеве все-таки не стали одновременно еще и спором о Бондареве, его собственном отношении к жизни. Свободный же взгляд на «Мгновения», взгляд на них как на единую и цельную книгу, как на самое личное и «авторское» произведение писателя позволяет не только предполагать, угадывать и ощущать, но и совершенно отчетливо познать то, что Толстой назвал «главным интере-

сом» художественного сочинения и что, по его мнению, «важнее, ценнее и всего убедительнее для читателя». Связи, перезвоны, ауканья и сцепления самых несхожих и отдаленных мгновений (предлагаю это в качестве индивидуального-жанрового термина) есть не что иное, как выражение характера автора. Как ни одна другая его книга, «Мгновения» открыто и сокровенно передают собственное отношение писателя к жизни, к ее прошлому, настоящему и будущему, к самым повседневным, даже злободневным ее вопросам — к самым таинственным «вечным» и «проклятым», таким, например, как смысл бытия, назначение человека, пути и цели Вселенной и т. п. И не удивительно, что здесь, в «Мгновениях», значение того, кто говорит, подчас даже важнее, чем то, что он говорит.

О главных героях «Берега» и «Выбора» мы могли бы сказать, возвращая критикам, увидевшим в Никитине и Васильеве слабых и рефлексирующих интеллигентов: чтобы так беспощадно спрашивать с себя, так чувствовать чужую боль и собственную вину, надо обладать не просто нравственной силой и убежденностью, а еще и великим душевным мужеством. Ведь Никитин и Васильев идут в своем самоказньем сознании и подсознании до конца: до пределов и за пределы. Да и вообще подлинный русский интеллигент всегда готов взглянуть в глаза своей горькой правде о мире и о самом себе. Порой ему, как Васильеву, долгие годы некогда оглядываться вокруг себя: сликлом, без остатка, погружен он в свое дело, свое творчество, свои мысли и искания, связанные с искусством. Он видит звездное небо над головой и не видит земли, парит в заоблачных высях духа. Но рано или поздно он сознает, что возвышенное созерцание и художническая страсть заменяют для него жизнь, что художник начинает пожирать в нем человека. И тогда начинается казнящая рефлексия, и тогда он беспощаден в высочайшем счете к самому себе и к творчеству, которым жил и продолжает жить. Сознание его

в этот период обнажено трагично. Но только в этой трагедии, только в этих муках и может родиться «вечный» художник, уже неделимый ни внутренне, ни внешне на разные ипостаси...

Юрий Бондарев — это, разумеется, не Вадим Никитин и не Владимир Васильев. Но тот автор-герой, тот «внутренний человек», что предстает перед нами со страниц «Мгновений», по многим параметрам близок к ним. И прежде всего тем, что не страшится вспоминать трудное и горькое, не боится задавать самому себе вопросы, на которые быть может, ответов нет вовсе.

Впрочем, в том, что я здесь пишу, кажется, окончательно начинает сказываться не столько объективное или субъективное литературно-критическое прочтение, сколько интимное, сокровенное, открыто личностное восприятие «Мгновений» как именно моей книги-друга, книги-собеседника, книги-тайны. К тому же я начинаю уже отталкиваясь от нее, возвращаясь к другим произведениям писателя. Но, возможно, так оно и должно быть: «Мгновения» и нужно читать интимно, и они должны нас возвращать ко всему творчеству Бондарева.

Все отчетливее для меня становится в последние годы — не «Мгновения» ли тому причиной? — какой-то новый свет, идущий от «Батальонов...» и «Последних залпов», «Тишины» и «Горячего снега», «Берега» и «Выбора». Не то чтобы война куда-то отходит, нет, но все больше, следуя за писателем, начинаешь раздумывать над вечными и злободневными (перед угрозой ядерного безумия «вечное» теряет свои философские кавычки и становится воистину злобой дня) вопросами смысла человеческого бытия, над Добром и Злом, Красотой и Истиной, Жизнью и Смертью. И при этом тоже возникает множество причудливых и пронзительных «нечаянных» (души), жизненных и подсознательных ассоциаций. Наслаждение и боль от чтения бондаревских книг возрастают, герои рождаются заново, преображаются...

Владимир КОРОБОВ

Фото А. НАРЗАНОВА

МНОГОГОВОРЧИЕ

Штрихи к портрету... Не портрет, а штрихи к нему. Не весь творческий облик писателя, а лишь одна его грань, сквозь которую, впрочем, просвечивает личность художника в ее целостности. «Мгновения» Юрия Бондарева органицистичнейшим образом выражают творческую среду автора «Последних залпов», «Тишины», «Горячего снега», «Берега», «Выбора»...

Водимый сближением и контрастом разных возрастов и изменившихся чувств и мыслей одного и того же человека; повышенный и всевозрастающий интерес к области подсознательного, к загадкам человеческой памяти и пульсирующему «дыханию» мироздания; теснейшая и сложная связь многих произведений с внешней и внутренней биографией, знаками и судьбой автора «Мгновений»; художническая многоликость и свобода — изобразительное и мыслительное нередко сливаются, без зазора и стыка переходят друг в друга и тонко, но властно для читателя работают на писательскую сверхзадачу: выразить невыразимое.

Это уже очень много, но и далеко не все, что тут же и выяснится, если мы попробуем взглянуть на «Мгновения» более свободным и цельным взглядом, не станем дробить книгу ни тематически, ни структурно, ни как-то еще.

Вот, скажем, мы перечитываем с середи-

алкиа последнего смысла бытия.

Но откуда же они и чем обусловлены, эти хотя и неуловимые (а лучше сказать, неразложимые, недробимые до малых величин), но несомненные связи, перезвоны, ауканья и сцепления столь разных и несхожих вещей из книги «Мгновения»? Для ответа на этот вопрос стоит прибегнуть к практическому сравнению: подыскать нечто сходное по жанру в русской литературе и перечитать параллельно с бондаревскими миниатюрами... Ну вот всем известные и знаменитые «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева. Специально подбираем схожую по тематике пару — «Монаха» из «Стихотворений...» и «Схимника» из «Мгновений» (и та, и другая вещь написаны от первого лица и отталкиваются от конкретных жизненных впечатлений). Перечитываем их следом.

...Какие же здесь впечатляюще разные «я», разные монахи, разные идеи, разные смыслы, разные стили, разные вре-

ПЕРЕЧИТЫВАЮ «не повесть, не роман, не хронику, а книгу — мозаику человеческой жизни», перечитываю «Мгновения» Юрия Бондарева. Необычная, своеобразнейшая, во многом таинственная и загадочная, эта книга рождается, растет, уточняется, преображается на наших глазах. В последнем, вышедшем перед новым годом в издательстве «Молодая гвардия» сборнике находим более шестидесяти (!) новых, в прежние издания «Мгновений» (например, в «Роман-газете» в 1978 году) не входивших вещей. В то же время книга прибавила в объеме едва заметно, и не потому, что из нее сейчас исключены автором несколько прежде сюда включавшихся работ, а потому, что и без того краткие, господствующие на очень маленькой территории двух-трех страниц произведения, составляющие книгу «Мгно-

вения», стали в среднем еще короче. Но, значительная по количеству и малоощутимая по объему, эта прибавка новых вещей оказалась весьма и весьма чувствительна для смысла и звучания «Мгновений» в целом, ибо осуществлена была писателем, заботящимся о композиции, структуре, поэтике и даже о своего рода сквозном сюжете этой бессюжетной книги не меньше, чем о том, чтобы в каждом из малых произведений, по собственным его словам, «достичь ясной простоты в сложности, избежать всего лишнего, бокового, вместе с тем в сложности чувств найти кратчайшее расстояние между точкой начальной и точкой конечной», чтобы добиться «слитого двоевластия мысли и чувства», предельной точности слова и ритма, несущих в себе звук, цвет, запах, тепло и холод, время и пространство, память и предсказание...

Одно дело — читать новые произведения для книги «Мгновения» в журналах, где они просто идут друг за другом, и совсем другое — в самой этой книге, где каждое из них обретает именно свое, строго выверенное — по законам смысла и красоты целого — место. В результате новый, более яркий и насыщенный свет исходит не только от недавно впервые опубликованных вещей, но и от тех, которые уже не раз бывали в печати, звучали по радио и на телевидении, вошли в критический оборот и сознание читателей. В результате сборник самых малых разрозненных произведений так называемой малой прозы обретает новое качество, становится на наших глазах именно книгой — единой и цельной.

Можно, конечно, продолжать читать и воспринимать «Мгновения» по отдельности (как это и